

Н.А. Михальчук,
старший преподаватель кафедры русского языка
МГУ им. А.А. Кулешова

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ ГИПЕРТРОФИРОВАННОГО ТИПА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЛАДИМИРА НАБОВОКА

Непрямая коммуникация, связанная с гипертрофированным выражением этикетных и неэтикетных интенций, до сих пор не рассматривалась как особый тип непрямой коммуникации, за исключением работ Т.В. Нестеровой, в которых внимание уделяется только непрямым способам выражения этикетных интенций. Т.В. Нестерова, анализируя не прямые способы выражения этикетных интенций в обиходной сфере, называет среди них гипертрофированную этикетизацию [1, с. 20]. В.В. Дементьев в монографии «Непрямая коммуникация» говорит об особом типе диад или моделей НК – состоящих из антонимических членов: «Опять напраказил!» (осуждение – восхищение), «Ну, удружил!» (благодарность – обличение) [2, с. 120]. Теоретическое существование таких диад Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров усматривают в «общей закономерности: les extremes se touchent»: понятия, взгляды, свойства, исключают друг друга, вместе с тем совмещаются [3, с. 142]. Лингвисты отмечают, что это наблюдение восходит уже к античности, к трудам Аристотеля [2, с. 121]. Обретение высказыванием противоположного смысла В.В. Дементьев считает «наиболее очевидным» примером не прямой коммуникации. Сама сущность явления косвенности заключается в несовпадении буквального и эксплицируемого содержания; диады, состоящие из антонимических членов, наиболее явно выражают это несовпадение. Исследователь замечает, что в большинстве случаев подобные типы диад являются результатом «чрезмерной интенсификации какого-либо признака». Закономерно, что в исследованиях по иронии часто отмечается тот факт, что именно в иронических высказываниях гипертрофированная похвала обычно являет свою противоположность и воспринимается как осуждение, утверждение как отрицание и т. д. [4, с. 4]. Ю.Н. Варзонин доказывает, что отношения между буквальной и имплицитной пропозициями в иронии носят именно характер контраста (в то время как в метафоре они носят характер сходства) [4, с. 12].

Мы считаем целесообразным выделение особого способа не прямой коммуникации: не прямая коммуникация гипертрофированного

типа. Он обладает всеми признаками не прямой коммуникации (осложненная интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность, креативность) и в то же время характеризуется рядом особенностей и отличается, например, от косвенного речевого акта. Однако эти отличия не являются объектом нашего рассмотрения в данной статье, о них мы скажем особо в дальнейших исследованиях.

Гипертрофированное выражение не прямых значений – это один из способов косвенной передачи информации. В произведениях В. Набокова выделяется гипертрофированное выражение не прямых значений двух типов: гипертрофированное выражение этикетных значений и гипертрофированное выражение не этикетных значений.

1. Гипертрофированное выражение этикетных значений

Сама по себе гипертрофированная вежливость не определяется лингвистами как позитивное явление. Так, например, особенность вежливости Дж. Лича состоит в том, что не только их нарушение, но и слишком усердное соблюдение (гипертрофированная вежливость, лесть) вызывает дискомфорт.

В произведениях В. Набокова имеет место трансформация первоначального смысла гипертрофированных не прямых высказываний. Яркие иллюстрации не прямой коммуникации данного типа в произведениях В. Набокова находим в романе «Приглашение на казнь»: *«Певучим голосом м-сье Пьер сказал: – Я тоже чрезвычайно рад с вами наконец познакомиться. Смею надеяться, что мы сойдемся короче. – Именно, именно, – захохотал директор, – ах, садитесь... Будьте, как дома... Коллега так счастлив видеть вас у себя, что не находит слов»* (диалог приговоренного к казни и палача в тюремной камере). Здесь и далее цитируется по [5].

Коммуникативная цель, стоящая перед тюремщиком и палачом, – заверить заключенного в своих дружеских чувствах, товарищеской близости. Она не достигается. Диалоги тюремщиков и Цинцинната становятся отражением ситуаций, которые можно определить

как коммуникативная неудача, вызванная несоответствием речевого поведения типу речевой ситуации. Сигналами коммуникативной аномальности становятся словесные, мимические и физические реакции Цинцинната. Знаком коммуникативной рассогласованности является выражение равнодушия или неудовольствия: «*Уйдите, – воскликнул Цинциннат, привстав и весь трясась*»; «*Цинциннат раскрыл книжку и углубился в нее*»; «*Ах, не приставайте ко мне, прошу вас, – скорбно сказал Цинциннат*. Иногда сигналы коммуникативной неадекватности даются со стороны говорящего: «*Какие мы печальные, какие нежные... Все молчим, да молчим, а усики у нас трепещут, а жилка на шейке бьется, а глазки мутные*» и др.

Восприятие Цинциннатом рассказов м-сье Пьера и Родрига Ивановича представляет собой отмену их содержания, первоначальные смыслы в их речи трансформируются. Доброта и забота воспринимаются как издевка, насмешка, оскорбление. Этикетные формулы, используемые директором тюрьмы и палачом, правомерно рассматривать в зоне «антиэтикета», они являются конфликтными речевыми актами.

В романе «Приглашение на казнь» гипертрофированное выражение коммуникативных смыслов используется для создания мира, отвергающего индивидуальное сознание и отождествленного с ирреальностью. В мире Цинцинната он сам (художник) – единственное подлинное существо, люди вокруг (обыватели) – это лишь «призраки, оборотни, пародии». Мотив мнимости персонажей, окружающих Цинцинната, задается уже в диалогах с этими персонажами путем восприятия их реплик как «пустых стереотипов». Гипертрофированное выражение непрямых значений становится для читателя источником имплицитной информации, позволяет соотнести языковую структуру романа с его проблематикой. Таким образом, в диалогах, содержащих гипертрофированно выраженные не прямые значения, формируется один из основных сюжетобразующих мотивов произведения – мотив мнимости, неистинности. Американский критик и литературовед Роберт Олтер справедливо сравнивает высокопарную вежливость и лицемерную дружескую поддержку Родрига Ивановича и м-сье Пьера с духовыми оркестрами, которые играли патриотические марши, приветствуя заключенных, прибывающих в гитлеровские лагеря смерти [6, с. 479].

Гипертрофированные этикетные не прямые значения создаются в романе при помощи разноуровневых языковых средств (лексических, фразеологических, словообразова-

тельных, синтаксических): 1) лексических, ср.: лексический повтор: «*Итак, до свидания. До свидания! До свидания!*»; «*Мое почтение, мое почтение, мое почтение*», – сказал адвокат, подходя; «*Ну поздравляю вас, поздравляю*». Здесь «эхо» этикетных формул воспринимается как «пустые» стереотипы, первоначальный их смысл редуцируется; 2) фразеологических, ср.: нагнетание фразеологических оборотов в пределах одного «макроречевого акта»: «*Будьте, как дома... Коллега так счастлив видеть вас у себя, что не находит слов*», «*Милости просим. Присаживайтесь, прошу, – чем богат, тем и рад*»; 3) словообразовательных, ср.: нагнетание слов с суффиксами эмоциональной оценки: «*будьте здоровеньки*», «*голубчик мой*», «*миленький мой*», «*кушайте мои конфетки*», «*Не сердись, цыпунька, на меня*», «*Я через пять минуточек вернусь, Цинциннатик*»; 4) синтаксических, ср.: восклицательные синтаксические конструкции: «*Мы вас умоляем!*», «*Просим, просим!*», «*Поздравляю вас. Радостно!*».

На повышенную эмоциональность реализации этикетных смыслов указывают и авторские ремарки: «*крикнул он; захохотал директор; обратился, ликуя, директор к Цинциннату; взмолился директор; с грозной веселостью грянул Родриг Иванович*».

В рассмотренном примере в романе «Приглашение на казнь» соблюдение норм вежливости и правил этикета на поверхностном уровне соотносится с оскорблением на глубинном уровне. Однако встречаются у Набокова и противоположные случаи, когда невежливость, грубость на формальном уровне соотносится с выражением симпатии на глубинном уровне. Если высказывания в уже описанном нами примере приближались к ироническим, то в другом случае указанные явления близки по своей сути к флирту. Например, в романе «Отчаяние» художник Ардалион выражает симпатию к своей двоюродной сестре Лиде, используя не прямые средства воздействия. Учитывая этот фактор, внешне преувеличенно невежливая, инвективная речь Ардалиона воспринимается читателем, тем не менее, положительно:

«*Нечего миндальничать. Жарьте, дорогуша*», – сказал Ардалион; «*Это свинство, барыня*», – с чувством сказал Ардалион; «*Ты мне прежде покажи, куда ты запендрячила мою водку*», – недовольно проговорил Ардалион; «*Вот чудачка. Как вы думаете, она ее и правда закопала?*»; «*Стерва*», – сказал Ардалион». «*Не досмотрели боевика, – пожаловался Ардалион, ковыряя в трубке и просыпая черную золу на пол. – Вот уж полчаса,*

как валяется. Все это дамские штучки, – здорова, как корова». «Эх ты, коза, – приговаривал он. – Прощай, коза, спасибо, коза».

2. Гипертрофированное выражение неэтикетных значений

2.1 Вербальные средства выражения

При рассмотрении гипертрофированно выраженных неэтикетных значений нами также отмечены случаи использования гипертрофированных непрямых высказываний, приобретающих противоположный смысл.

2.1.1. Изображение трагического через комическое (иронические высказывания)

В рассказе В. Набокова «Ultima thule» (сборник «Весна в Фиальте»), написанном в форме письма художника Синеусова к его недавно умершей жене, – преувеличенные комичность, игривость, ирония, с которой герой говорит о смерти, переходят в свою противоположность: воспринимаются как проявления отчаяния и скорби. В другом его произведении «Адмиралтейская игла» непрямая коммуникация гипертрофированного типа используется в той же функции, что и в «Ultima thule». Рассказ обличает графоманство и пошлость и строится на контрасте между живыми личными воспоминаниями и литературными клише. Указанная оппозиция задана и в коммуникативном плане произведения. Рассказ четко разделяется на две части: в первой части – используется непрягая коммуникация гипертрофированного типа, во второй – автор переходит к прямой манифестации своих чувств. Для адекватного понимания художественного текста читателю и исследователю необходимо уметь считывать данные имплицитные смыслы.

Гипертрофированные непрягие смыслы создаются в указанных рассказах при помощи окказионализмов (ср.: «Душекружение», «Кстатическая мысль: вообразим новейший письмовник», «но как охотно за них отвечают односмертники наши»); эмоционально-оценочной лексики (мерзость, глупее и гаже); гипербола («Вы все потушили своим дыханием, – ибо достаточно одного прилагательного, поставленного, ради красоты, позади существительного, чтобы извести лучшее воспоминание»); метафор («путаясь в рваных шелках слога», «потерянная в мире случайная обезьянка истины»); эпитетов, используемых в усилительной функции («Вашей страшной, Вашей проворной иглы»; «прожорливой романисткой»); сравнений, («поговорили о прошлом, как о тяжело больном»); иронии («Что ж – еще одна смерть, еще одна жертва Вашей роскошной прозы»); паро-

номазии (виноватые виньетки); каламбуров (ради крашеного слова), нарушения лексической сочетаемости (коммерческое счастье), речевых излишеств («мы как-то завтракали (принимали пищу)») и др.

2.1.2. Изображение комического через трагическое

В рассказе «Истребление тиранов» гипертрофированная ненависть героя к правителю характеризуется расхождением между выраженным и подразумеваемым и воспринимается как проявление комического; тиран, которого изображают страшным, на самом деле кажется смешным. В высказываниях, содержащих гипертрофированно выраженные непрягие значения, сформирован сюжетобразующий мотив произведения: смех – единственное средство, способное подорвать мощь мрачного правителя. Языковые средства создания гипертрофированных смыслов в данном рассказе: гипербола («и уже нельзя было представить себе, что этот нос можно высморкать, что под эту губу можно залезть пальцем, чтобы выковырнуть зас-тречку пищи из-за гнилого резца»; «другими словами, все кругом принимало его облик, закон начинал до смешного смахивать на его походку и жесты, в зеленых появились в необыкновенном изобилии огурцы, которыми он так жадно кормился в юности»); метафора (жировое отложение мысли); сравнение (его смех, такой же режущий и неожиданный, как вопль кошки); эпитет в интенсифицирующей функции, часто выраженный сложным прилагательным («зло в людях казалось особенно омерзительным, удушливо-невыносимым», «в беспощадно-освященной зале», «каменно-тусклый взгляд его неумных и незлых глаз»); парономазия («кров и кровать в мрачнейшей части города»; «мираж превращается в тираж»); эмоционально-оценочная лексика, выражающая отрицательную оценку («ограниченный, грубый, малообразованный человек, на первый взгляд третьеразрядный фанатик, а в действительности самодур») и др.

На словообразовательном уровне системы языка отметим существительные, имеющие размерно-оценочные значения. Здесь значение увеличительности совмещается со значением отрицательной оценки («уничтожительности»): *фигурищи, топорище* и др. На морфологическом уровне укажем суффиксальные формы превосходной степени прилагательных, ср.: *крепчайшая сила, тончайший нюх, высочайший прием*; и наречия-интенсивы, ср.: *будь идея... насквозь солнечной*, «в беспощадно освещенной зале», «из дико

цветущего государства», «нестерпимо жуткие глаза», «вдрызг пьяный человек», и др.

Непрямая коммуникация гипертрофированного типа прямо связана с интенсивностью. Интенсивность понимается нами как языковая категория, имеющая статус особой семантической категории, в арсенал которой входят межчастеречные и разноуровневые средства репрезентации и образует целый спектр средств выражения. В ряде работ по интенсивности она рассматривается как измеритель степени экспрессивности, то есть в тесной связи с теорией экспрессии (Туранский, 1992; Маслова, 1997, Нещерет, 1997). Мы считаем, что категория интенсивности «обслуживает» и непрямую коммуникацию.

Интенсивность в произведениях В. Набокова выражается с помощью многочисленных лексических и грамматических средств и имеет особую значимость в структуре художественного текста. Арсенал интенсифицирующих средств у В. Набокова включает также традиционные средства экспрессивной стилистики. Наиболее частотными лексическими средствами выражения интенсивности и создания гипертрофированных не прямых значений в произведениях В. Набокова являются эмоционально-оценочная лексика и индивидуально-авторские неологизмы. Важнейшим уровнем репрезентации интенсивности у В. Набокова является стилистический. Наиболее частотные стилистические средства выражения интенсивности в его произведениях: гипербола, метафора, эпитет в интенсифицирующей функции, повтор. Реже встречаются сравнение и параномазия.

Анализ материала произведений В. Набокова убеждает в намеренном применении писателем языковых средств интенсификации с целью усиления, нагнетания большей эмоциональной напряженности, динамичности в повествовании. Интенсивы отчетливо выявляют субъективное начало в оценке действительности, раскрывают авторское мировосприятие трагической неустойчивости мира. Стандартные средства выражения интенсивности в русском языке употребляются у В. Набокова крайне редко – явно преобладают нетипичные, индивидуально-стилистические, экспрессивные средства.

Частотным стилистическим средством, используемым для создания гипертрофированных не прямых значений в произведениях В. Набокова, является повтор. Для создания усилительного повтора, используемого в роли интенсификатора, применяются чаще фонетические и словообразовательные языковые единицы: фонетические, ср.: «**квохтание, каркание, крик, карикатура**»; «Днем мы ос-

матриваем новое здание, **форт, форум** и другие **формы** государственного благосостояния, и я одобряю вместе с ним изобретателя новой **форточки**; словообразовательные: «**будь идея, у которой мы в рабстве, вдохновеннейшей, восхитительнейшей**»; «**изображая число его приверженцев в виде постепенно увеличивающейся **фигурки, фигурки, фигурищи****»; «**все были полусыты и полуграмотны**»; «**клас, класы и даже класиться**, – не знаю, какой приторный школяр посоветовал ему применить этот сомнительный архаизм»; «**развитие темных, зоологических, зоорландских идей**» и др.

Гипертрофированность формального показателя, наблюдаемую в приведенных выше примерах, на наш взгляд, можно считать средством выражения не прямой коммуникации гипертрофированного типа. Вместе с тем мы согласны с В.В. Дементьевым в том, что гипертрофированность только формального показателя не является достаточным основанием для отнесения высказывания к не прямой коммуникации: «утверждать, что сама форма целого высказывания – это маркер НК, по-видимому, все же не стоит» [2, с. 123].

2.2 Невербальные средства выражения

Частотным невербальным средством выражения гипертрофированных значений в произведениях В. Набокова является смех. В художественных произведениях В. Набокова (в особенности, в романе-антиутопии «Приглашение на казнь») смех в гипертрофированной форме не воспринимается как проявление веселья и становится либо пустым стереотипом, не рассчитанным на интерпретацию, либо приобретает противоположный смысл и воспринимается как оскорбление. В обоих случаях смех является средством изображения «комического кошмара» действительности, усиливает абсурдность происходящего. Чаще всего смех у В. Набокова является реакцией персонажей вовсе не на смешное:

«Колода исчезла так же незаметно, как появилась, – и, сделав невозмутимое лицо, м-сье Пьер сказал:

– Приходит к доктору старушка: у меня, говорит, господин доктор, очень сурьезная болезнь, страсть боюсь, что от нее помру... – Какие же у вас симптомы? – Голова трясется, господин доктор, – и м-сье Пьер, шамкая и трясясь, изобразил старушку.

Родриг Иванович дико захохотал, хлопнул кулаком по столу, едва не упал со стула, закашлялся, застонал, насилиу успокоился». «Гости грохнули. В другом конце стола глухой судьба, страдальчески кривясь, как от за-

пора смеха, лез большим серым ухом в лицо к хохотавшему эгоисту соседу и, теребя его за рукав, умолял сообщить, что рассказал м-сье Пьер («Приглашение на казнь»).

Таким образом, гипертрофированно выраженные этикетные и неэтикетные значения в тексте художественных произведений В. Набокова отмечены следующими особенностями: 1) считывание их необходимо для адекватного понимания художественного текста; 2) они представляют собой редукцию первоначального смысла и либо его трансформацию, либо изменение на противоположный; 3) они формируют основные сюжетообразующие мотивы произведения, 4) выражаются рядом характерных языковых средств на различных уровнях языковой системы. Для этикетных интенций в произведениях В. Набокова также характерно следующее: 1) данные коммуникативные смыслы фигурируют как «пустые стереотипы», восприятие их представляет собой отмену их содержания, 2) они рассматриваются в зоне «антиэтикета», 3) внешне преувеличенно вежливая речь воспринимается отрицательно, в то время как преувеличенно невежливая речь может восприниматься положительно. Во всех рассмотренных примерах нами отмечена связь непрямой коммуникации гипертрофированного типа с проблематикой произведения и его основными сюжетообразующими мотивами. Использование результатов нашего исследования может быть полезно для дальнейшего изучения непрямой коммуникации, этикета, а также для понимания и интерпретации художественных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нестерова, Т.В. Непрямая коммуникация в этикетных ситуациях обиходной сферы / Т.В. Нестерова // Русский язык в контексте культуры: сб. науч. ст. – Могилев, 2010.
2. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – М., 2006.
3. Верещагин, Е.М. «Крайности сходятся» (о тождестве противоположных рече-поведенческих тактик) / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: тезисы докл. Всероссийской науч.-метод. конф. – Екатеринбург, 2000.
4. Варзонин, Ю.Н. Коммуникативные акты с установкой на иронию: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Н. Варзонин. – Тверь, 1994.
5. Набоков, В.В. Собрание сочинений: в 4 т. / В.В. Набоков. – М., 1990.
6. Бойд, Б. Владимир Набоков. Русские годы / Б. Бойд. – М., 2001.
7. Неццерет, Е.И. Категория интенсивности в художественном тексте (на материале повестей Н.В. Гоголя) / Е.И. Неццерет // Язык и культура: материалы Междунар. науч. конф. – Киев, 1997. – Т. 4.

SUMMARY

In the article the indirect communication of the hypertrophied type is considered as the specific way of the expression of indirect communication. The hypertrophied expression of indirect meanings of the two types are analysed: the etiquette and non-etiquette meanings; verbal and non-verbal means of their realization are singled out, verbal means of their expression are described.

The results of the research may be used for further studying of indirect communication of the etiquette, and for understanding and interpreting of a literary text.

Поступила в редакцию 19.09.2012 г.